

Анна И. Кулеш

Белорусский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра белорусского языкознания
kuleshai@bsu.by

УДК 811.163.1'255'373::811.161.1:811.161.3
<https://doi.org/10.18485/slavistika.2025.29.1.14>
Оригинални научни рад
примљен 6. 5. 2025.
прихваћен за штампу 3. 8. 2025.

СТАРΟΣЛАВЯНИЗМЫ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТАХ И ПРОБЛЕМЫ ИХ ПЕРЕВОДА НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК

В статье с исторической точки зрения объяснена малоупотребительность старославянской лексики в современном белорусском языке; охарактеризованы обстоятельства, вызвавшие необходимость перевода современных белорусских законов с русского языка; представлено понимание основных причин, усложняющих в процессе перевода поиски точных белорусских эквивалентов для юридических терминов-старославянизмов; предложены некоторые авторские алгоритмы нахождения наиболее точных семантических эквивалентов.

Ключевые слова: старославянизм, церковнославянизм, юридический термин, дефиниция термина, юридический перевод, ложно ориентирующий термин, эквивалентность перевода.

The article explains from the historical point of view the low usage of Old Slavonic vocabulary in the modern Belarusian language; characterises the circumstances that caused the necessity to translate modern Belarusian laws from Russian; presents an understanding of some of the reasons that complicate the search for accurate Belarusian equivalents for Old Slavonic legal terms in the translation process; proposes the author's algorithms for finding the most accurate semantic equivalents.

Keywords: Old Slavonic, Church Slavonic, legal term, term definition, legal translation, falsely orienting term, translation equivalence.

Когда речь заходит о заимствованной юридической терминологии в русскоязычных законодательных текстах, то в памяти всплывают прежде всего термины, имеющие происхождение из латинского, а не из старославянского языка. Изучение же языка законов показывает, что в состав русской юридической терминологии входит значительное количество старославянизмов. Под старославянизмами в работе имеются в виду слова и словоформы, заимствованные из старославянского языка или созданные по

* <https://orcid.org/0000-0002-6207-3171>

** Исследование выполняется в рамках НИР «Беларуская тэрміналогія права: тэорыя і практыка лексікаграфічнага апісання» государственной программы научных исследований «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.

их образцу, имеющие формальные показатели принадлежности к нему, то есть определенные фонетические, словообразовательные и другие специфические признаки. Эта рабочая формулировка понимания старославянизмов не может, конечно же, считаться дефиницией термина *старославянизм*, поскольку «по старославянским словообразовательным моделям ...было создано немало книжных слов, не имеющих первоисточником собственно старославянский или церковнославянский язык» (Николаева 1989: 47).

Предложенная рабочая формулировка всего лишь отражает цель нашего исследования, для достижения которой не стоят задачи выявления старославянского наследия, определения состава заимствований из старославянского языка в русском и белорусском языках. Нам важно установить причины, вызывающие трудности при подборе точных эквивалентов таким заимствованиям в переводимых на белорусский язык законодательных текстах, а для преодоления этих трудностей предложить соответствующие алгоритмы переводческих действий, под которыми понимаем совокупность последовательных шагов, приводящих к необходимому результату.

Источниками лексического материала являлись белорусско- и русскоязычные тексты Конституции и действующих редакций кодексов Республики Беларусь. Учитывая стилистическую принадлежность этих источников, употребление термина *старославянизмы* считаем более оправданным, чем термина *церковнославянизмы*, поскольку «он стоит над конфессиональным аспектом, подчеркивает нерелигиозную сущность первого литературного языка славян как языка не только церкви, но именно первой письменной, книжной традиции всех славян» (Шакун 2018: 233).

Прежде чем анализировать проблемы перевода старославянизмов, необходимо остановиться, во-первых, на факте необходимости перевода на белорусский язык самих русскоязычных законодательных текстов, во-вторых, обратиться к исследованиям о влиянии старославянского языка на белорусский, чтобы объяснить несвойственность старославянизмов для современного белорусского языка в целом и для юридического языка в частности, в отличие от современного русского языка.

Почему же в настоящее время законодательные акты в Беларуси сначала создаются и принимаются на русском языке, а затем переводятся на белорусский?

Как известно, белорусский литературный язык имеет давнюю и богатую историю, представленную наиболее полно именно в деловой письменности. Под этим видом письменности имеются в виду «различные документы юридического характера, которые своим назначением и содержанием связаны с политической и хозяйственной жизнью государства, отдельных социальных слоев населения и частных лиц» (Полешук и др. 2022: 884).

Первый известный на текущий момент (на текущий момент – потому что еще не все старобелорусские памятники письменности выявлены и описаны историками языка) точно датированный письменный текст, зафиксировавший специфические особенности белорусского языка, как раз и относится к деловой письменности. Это Договорная грамота смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригой и Готским берегом 1229 года, т.е. торговый и политический договор, заключённый, с одной стороны, между Смоленским, Витебским и Полоцким княжествами и Ригой и Готландом (т. е. жителями Балтийского побережья), с другой (Юхо 1996: 191–192).

В XVI столетии старобелорусская деловая письменность (еще её называют канцелярско-юридической) достигла расцвета, отмечают историки белорусского языка (Журавский 1978: 188). Этому расцвету благоприятствовало то обстоятельство, что старобелорусский язык выполнял государственные функции в Великом Княжестве Литовском (ВКЛ). В то время появляются созданные на старобелорусском языке, говоря словами В. М. Свежинского, «шедевры европейской правовой мысли» (Свяжынскі 2006: 129). Имеются в виду в первую очередь Статут ВКЛ (свод законов феодального права) в трёх редакциях – 1529 г., 1566 г., 1588 г. и Трибунал обывателям ВКЛ 1586 г. (собрание юридических норм, регулировавших работу высшего апелляционного суда ВКЛ).

Названные выше и другие тексты юридического содержания были написаны на старобелорусском языке. Этот факт подчеркивают и слова подканцлера ВКЛ Льва Сапеги, возглавлявшего работу над третьей редакцией Статута ВКЛ (1588 г.). Они содержатся в предисловии к Статуту, напечатанному в Виленской типографии братьев Мамоничей. В обращении ко всем сословиям Великого Княжества Литовского Лев Сапега привлекал внимание сограждан к необходимости знать свои права, «особенно нам, которые не чужим каким языком, но своим собственным права записанные имеем» [Статут 1989: 350].

Но в конце XVII столетия старобелорусский язык утратил функции государственного и в официальной сфере не употреблялся. Восстановлен государственный статус был только в начале XX века, в апреле 1918 г. (Любиставаная храналогія 1995: 212). В 20-е гг. прошлого столетия для функционирования и развития белорусского языка стали создаваться благоприятные условия, что было оформлено законодательно. В марте 1921 г. X съезд Российской коммунистической партии принял резолюцию «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», в которой подчеркивалась необходимость помочь трудовым массам «невеликорусских народов развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти»; «развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке»;

«поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке» (КПСС 1983: 366).

Однако на тот момент в БССР осуществить поставленные задачи было проблематично, поскольку в течение более двух предыдущих столетий для белорусов официальным языком, а также языком школьного и специального обучения был польский или русский. Это привело к тому, что для профессиональной деятельности, в частности юридической, практически отсутствовали специалисты, в достаточной степени владеющие белорусским языком. В Беларуси, начиная с 1920-х годов, законы создавались и до настоящего времени создаются на русском языке, а затем основные из них переводятся на белорусский.

Почему возникают проблемы с употреблением старославянизмов в белорусском языке, в то время как они естественны и органичны в русском? Исследователи отмечают, что в славянском ареале белорусский язык выделялся своеобразными отношениями со старославянским. В чем заключалось это своеобразие?

На начальном этапе развития старобелорусского литературного языка, как и других славянских языков, церковнославянизмы были его «важным ингредиентом» (Журавский 1965: 44). Но с XV ст. на белорусских землях «замечается проникновение народного языка в те жанры и памятники, которые издревле писались по-церковнославянски» (Шакун 2001: 9). В это же время у других восточных славян литературный язык испытывал его воздействие, известное под названием «второе южнославянское влияние». А в ВКЛ «на волне гуманизма и ренессанса рос авторитет белорусского языка. В широкой официальной письменной практике совершенствовалась его структура и нормативная база» (Свяжынскі 2006; 127).

Элементы белорусского языка проникали даже в религиозную литературу. Больше всего белорусизмов зафиксировано исследователями в неканонической литературе, в частности в четьях, – книгах, предназначенных для домашнего поучительного чтения с целью усвоения христианской морали. В результате произошла трансформация церковнославянского языка и образовался его белорусский тип, белорусская редакция церковнославянского языка. По мнению А. И. Журавского, этот процесс наилучшим образом отражает Четья 1489 г. [Жураўскі 2024: 80]. Белорусская редакция церковнославянского языка представлена в различных жанрах религиозной литературы, например в Библии Ф. Скорины. Позже появились как переведенные на старобелорусский язык, так и оригинальные произведения религиозного содержания. Например, Евангелие В. Тяпинского и «Катехизис» С. Будного соответственно.

Как отмечают историки, распространение в ВКЛ идей реформации и протестантизма, позволяющих широкое использование народного языка в богослужении, обособление и ослабление связей с «православной Восточной Русью» привели к упадку церковнославянского языка в белорусской и украинской частях ВКЛ. Церковнославянский язык становился малопонятным, даже белорусское православное духовенство слабо им владело (Шакун 2001: 13).

Новый этап в развитии белорусского языка, начавшийся в конце XVIII ст., протекал уже вне связи со старославянским языком. В современном белорусском языке количество старославянизмов оказалось значительно меньшим, чем в других восточнославянских языках, особенно в русском. Причем в большинстве случаев они были заимствованы из русского языка уже в советское время (Шакун 2001: 19).

В двадцатые годы XX ст., когда нормы литературного языка складывались на диалектной основе, отдаление от старославянских традиций продолжилось. Демократизация литературного языка нашла отражение и в создании терминологии, в том числе и юридической. В соответствии с методикой, одобренной всеми секциями Научно-терминологической комиссии, образованной в 1921 г. при Народном комиссариате просвещения БССР, создание терминологии должно было осуществляться преимущественно на базе народного языка. Подробности подготовки и издания серии словарей “Беларуская навуковая тэрміналогія”, особенности практической реализации основных принципов создания десятого выпуска этой серии под названием “Тэрміналогія права”, приоритетная по сравнению с филологами роль тогдашних известных правоведов в закладывании основ белорусской юридической терминологии охарактеризованы нами в монографии “Мова беларускага заканадаўства XX стагоддзя: генезіс і эвалюцыя” (Кулеш 2015: 55–59) и в статье “Роля правазнаўцаў у выпрацоўцы беларускай юрыдычнай тэрміналогіі: 1920–30-я гады” (Кулеш 2020).

Как ранее отмечалось, с 20-х гг. прошлого века в Беларуси законы пишутся и принимаются на русском, а затем переводятся на белорусский язык. Характерная особенность юридической терминологии – создание значительной ее части на базе общелитературной лексики. Отсюда в русской юридической терминологии существенное количество лексем старославянского происхождения.

Старославянизмы представлены в языке права различными частями речи. Наибольшее распространение имеют существительные: *бремя* (*бремя доказывания*), *возмездие*, *вознаграждение*, *волеизъявление*, *воспроизведение*, *вымогатель*, *глава*, *гласность* (*выборов*), *грабитель*, *гражданин*, *деяние*, *завещание*, *завещатель*, *заместитель*, *изъятие*, *исполнитель*, *истребование*, *клевета*, *наследование*, *отчуждение*, *подстрекатель*, *подстрекатель*

тельство, поручитель, поручительство, правонарушитель, председатель, председательство, пресечение (мера пресечения), предписание, предрешение, преследование (уголовное), преступление, преступник, принятие, присвоение, производство (по делу), родитель, свидетель, собеседование, соби-
рание, соблюдение (закона), супруг, супружество, удержание, устранение (опасности), хранение (имущества) и др.

Из числа глаголов-старославянизмов часто употребляются: *возбудить* (дело), *возвращать*, *завещать*, *соблюдать*, *оскорблять*, *воспрещать*, *обсуждать*, *изымать*, *ограждать*, *обременять*, *опровергать*, *потреблять*, *преграждать*, *предписывать*, *предпринимать*, *совершать*, *сообщать*, *расторгать*, *соблюдать*, *учреждать* и др.¹¹

При переводе на белорусский язык для части старославянизмов еще столетие назад были найдены корректные соответствия, в иных случаях при выборе точного эквивалента до сих пор возникают трудности. Они порождаются различными причинами.

Одной из таких причин является несовершенство и недостаточная для успешного юридического перевода полнота переводных и толковых словарей белорусского языка. Прежде всего имеется в виду отсутствие в них значений слов, устаревших для общелитературного языка, но активно используемых в юридическом языке. Покажем это на примере перевода термина, который употребляется в конституционном праве и в процессуальных отраслях права. Это термин *состязательность*.

В статье 115 белорусскоязычного варианта Конституции Республики Беларусь этому термину соответствует термин *спаборнасць* – производный от *спаборніцтва* (рус. *соревнование, состязание*). В Конституции записано: *Правасуддзе ажыццяўляецца на аснове спаборнасці і роўнасці бакоў у працэсе* (Канстытуцыя 1994). По-русски: *Правосудие осуществляется на основе состязательности и равенства сторон в процессе* (Конституция 1994).

Термин *спаборнасць* можно также встретить в белорусскоязычной научной и учебной литературе. Например: «*Кансерватыўнасць... царквы не дазволіла ўмацаваць у царкоўна-судовай практыцы такія важнейшыя прыныцыпы судовага працэсу, як галоснасць, вуснасць, спаборнасць, права абвінавачваемага на абарону*» (Грахоцкі 2010: 12). Переводчики Конституции и авторы научных и учебных изданий использовали термин *спаборнасць*, опираясь на данные переводных словарей.

В «Русско-белорусском словаре» под редакцией Кандрата Крапивы находим: *состязание – спаборніцтва; разг. выперадкі; состязательность – спаборнасць; состязательный – спаборны; состязаться – спаборнічаць*

1 Примеры извлечены из текстов Конституции и кодексов Республики Беларусь действующих редакций, размещенных на портале parvo.by <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/kodeksy-respubliki-belarus/>.

[РБС 1982: 424]. При этом *спаборнасць* и *спаборны* имеют в словаре помету *юр.*, что указывает на специальную сферу применения слов.

Такой же перевод предлагает русско-белорусско-английский «Юридический словарь», размещенный на Национальном правовом портале *pravo.by*: *состязательность* – *спаборнасць*, *слуханне справы на аснове спаборнасці*; *состязательный процесс* – *спаборны працэс* (ЮС 2025). Этот же эквивалент и в «Русско-белорусском юридическом словаре» И. Буяльского, юриста по образованию, выпускника юридического факультета БГУ: *состязание* – *спаборніцтва*, *состязательность* – *спаборнасць*, *состязательный* – *спаборны* (РБЮС 2016: 406).

Толковый словарь белорусского языка значение ‘борьба сторон, участвующих в судебном процессе’, как и значения ‘стремление превзойти, добиться лучших результатов’, ‘спортивная встреча для выявления победителя’, придает одному и тому же слову – *спаборніцтва* (рус. *соревнование*) (ТСБМ 1983: 237). В то же время первое значение и два других должны обозначаться разными словами.

Словари русского языка, например «Словарь русского языка» под редакцией А. П. Евгеньевой, в числе других значений слова *состязание* называет ‘спор, прения’, указывая, что это значение устаревшее (СРЯ 1984: 210).

А составители «Толкового словаря русского языка» под редакцией Д. М. Ушакова, учли одну из особенностей юридического узуса, которая заключается в том, что слова, являющиеся устаревшими для общелитературного языка, могут оставаться активными в юридическом языке и являться правовыми терминами. В этом словаре значение слова *состязание* ‘борьба сторон, участвующих в судебном процессе’ квалифицируется не как устаревшее, а как специальное, и указываются области применения: (*право, офиц.*) (ТСРЯ 1935–1940).

Термин *состязательность* семантически связан с термином *судебные прения* ‘состязание сторон в споре’. *Прения* по-белорусски – *спрэчкі*. Значит, белорусский эквивалент *спаборнасць*, употребленный в переводном тексте Конституции, – ложно ориентирующий термин, искажающий суть юридического понятия. Истина в процессе судебного разбирательства устанавливается с помощью доказывания, убеждения, отстаивания своей позиции в судебных прениях, а не с помощью соревнования на первенство в чем-либо.

Адекватная передача сути понятия *состязательность* требует употребления белорусского эквивалента *спрачальнасць*.

Бывает и так, что в переводных и толковых словарях не указывают ни специального, ни устаревшего значения. В таких случаях в корректном установлении значения юридических терминов переводчикам-филологам помогают дефиниции, которые нередко приводятся прямо в переводимых

законодательных текстах. Но иногда приходится искать определение термина в различных других источниках: в научной и учебной литературе, в комментариях к кодексам и т. п. Кроме того, встречаются случаи неодинакового толкования одного и того же понятия различными специалистами в области права.

В этом случае в качестве примера используем термин *недействительный брак*, употребляемый в семейном праве. В белорусскоязычном варианте Кодекса о браке и семье действующей редакции ему соответствует эквивалент *несапраўдны шлюб*, который у неспециалистов может ассоциироваться прежде всего с нереальностью существования брака (например, вызывать соотнесение с так называемым гражданским браком, а не официально оформленным). Приведем примеры употребления этого термина:

Глава 7. Несапраўднасць шлюбу;

Артыкул 45. Падставы прызнання шлюбу несапраўдным;

Артыкул 46. Парадак прызнання шлюбу несапраўдным;

Артыкул 47. Прызнанне шлюбу несапраўдным у выпадку недасягнення сужэнцаў шлюбнага ўзросту;

Артыкул 48. Час, з якога шлюб лічыцца несапраўдным;

Артыкул 49. Наступствы прызнання шлюбу несапраўдным (Кодекс 1999).

Чтобы установить, передаёт ли употребленный переводчиками белорусский эквивалент суть понятия *недействительный брак*, обратимся к дефиниции термина. Легальное определение термина в Кодексе отсутствует. Однако в учебной и научной литературе такие определения есть. Например, в одном из учебных пособий по семейному праву приводится следующее: «Недействительность брака – это форма отказа государства от признания заключенного брака в качестве юридически значительного акта, выраженная в решении суда, вынесенном в порядке судопроизводства в связи с нарушением установленных законом условий заключения брака» (Муратова 1999: 71).

В диссертационном исследовании А. Ю. Беспалова отмечается, что недействительность брака – это «установленное судом неправомерное юридическое действие, совершенное в виде брака, заключенного между мужчиной и женщиной, зарегистрированного в органах, регистрирующих акты гражданского состояния, с нарушением одним из них либо обоими и (или) другими лицами условий и препятствий, установленных для его заключения, либо без намерения создать семью» (Беспалов 2013: 9).

Прежде всего стоит отметить логическую неточность формулировок, поскольку *недействительность* в данном случае не может быть ни формой, ни действием. Это состояние. Первую дефиницию логично было бы дополнить словом *признание*: «признание недействительности брака – это форма

отказа государства...». Второе определение передает содержание понятия *заклучение недействительного брака* (это «установленное судом неправомерное юридическое действие»), а не понятия *недействительность брака*.

Приведенные определения вряд ли помогут переводчику-филологу выбрать точный белорусский эквивалент. Дальнейшие разыскания позволяют обнаружить, что содержание понятия уточняется в соответствующей литературе перечислением оснований для признания недействительности брака, а также последствий такого признания. Одним из оснований является, например, несовершеннолетний возраст одного из супругов. Однако если такой брак был заключен (например, в ситуации, когда работник загса согласился отступить от закона), то брак может в реальности существовать, хоть по сути является недействительным. Признать его недействительным может только суд по заявленному иску, например, со стороны родителей одного из супругов. Но суд может и отказать в иске, когда супруги выразят удовлетворенность своим семейным положением и откажутся его менять (Кузнецова 1999: 19).

Из этого следует, что юридический смысл слова *недействительный* не связан с реальным существованием брака. Что же тогда главное для осмысления сути термина *недействительный брак*? Главное заключается в том, что за лицами, находящимися в таком браке, личные и имущественные права и обязанности супругов не признаются. Например, приобретенное в браке имущество не считается общим имуществом супругов, не возникает права на содержание и др. (Кузнецова 1999: 20).

Значит, юридическое значение слова *недействительный* – ‘не имеющий юридической силы, изменяющий общие правила правовых отношений’. Поэтому и белорусский его эквивалент – *неправадзейны (неправадзейны шлюб, неправадзейнасць шлюбу)*.

Именно такой белорусский эквивалент и употреблялся в первых советских белорусскоязычных редакциях Кодекса о браке и семье, принятых в 1927 г. и в 1935 г.: *недействительность брака – неправадзейнасць шлюбу* (Кодэкс 1927: 55); *дело о признании брака недействительным – справа аб прызнанні шлюбу за неправадзейны* (Кодэкс 1927: 56). Использовался термин и в тогдашней белорусскоязычной научной юридической литературе: *у Кодэксе БССР ёсць артыкулы аб неправадзейнасці шлюбу, калі адзін з супругаў ужо знаходзіцца ў шлюбе* (Гаўзэ 1928: 57), *неправадзейны шлюб не выклікае ніякіх юрыдычных вынікаў* (Гаўзэ 1928: 58).

Наблюдения над особенностями перевода на белорусский язык старославянизмов в русскоязычных законодательных текстах на примере терминов *состязательность*, *состязательный процесс* и *недействительный брак*, *недействительность брака*, а также личный практический опыт по переводу, редактированию юридических текстов, терминологической экс-

пертизе актов законодательства позволяют сделать следующие выводы. Выбор алгоритма действий при переводе проблемных терминов-старославянизмов продиктован причинами, вызывающими трудности при подборе адекватного переводческого эквивалента. Например, неполнота толковых и русско-белорусских переводных словарей (отсутствие необходимого слова или отсутствие нужного значения многозначного слова) вызывает необходимость обратиться к максимально возможному количеству словарей и аналитическому сравнению полученных из них сведений, сравнить предполагаемое, выводимое из контекста значение термина-старославянизма с предложенными словарными вариантами значений. При этом переводчик должен учитывать специфические особенности юридической терминологии: в нашем случае, активность слова в качестве юридического термина и его пассивность как общелитературной лексической единицы, что было в примере с переводом термина *состязательность*. Нечеткое понимание переводчиками юридического значения термина может быть вызвано отсутствием узаконенных дефиниций некоторых юридических понятий, различной трактовкой одного и того же понятия в научной юридической литературе. В таком случае необходимо обращаться к соответствующей специальной литературе по юриспруденции с целью получить наиболее полное представление о сути понятия, обозначенного проблемным для перевода термином. Так, выявление и изучение статьи, в которой описываются основания для признания недействительности брака, а также последствия такого признания, позволяют понять суть понятия *недействительный брак* и корректно выбрать переводной вариант для многозначного прилагательного, входящего в этот составной термин. И в первом, и во втором случае не лишним будет учесть по возможности опыт переводческой работы предшественников: все редакции Конституции и все кодексы БССР в XX в. переводились на белорусский язык. Например, белорусскоязычный Кодекс о браке и семье существует в редакциях 1927 г., 1935 г. и 1969 г. Многие из законодательных текстов XX в. оцифрованы, что облегчает поиски нужного термина. Способы и приемы нахождения корректного варианта перевода можно варьировать, дополнять, находить новые в зависимости от ситуации. Идеальным вариантом работы над переводом законодательных и других текстов юридического содержания, по нашему мнению, менее затратным по стараниям и времени и в то же время более эффективным по результатам, была бы консолидация усилий лингвистов-переводчиков и специалистов в области права. Но для этого потребуются изменение индифферентного отношения юридического сообщества Беларуси к необходимости реального использования белорусского языка в правовой сфере.

Цитированная литература

- Беспалов, Александр Ю. Недействительность брака по законодательству Российской Федерации: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва: Московский университет МВД России, 2013.
- [Bespalov, Aleksandr IŮ. Nedeiřtvitel'nost' braka po zakonodatel'stvu Rossiiskoi Federatsii: avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni kandidata iŮridicheskikh nauk. Moskva: Moskovskii universitet MVD Rossii, 2013]
- Булыка, Аляксандр М. «Аб царкоўнаславянскіх лексічных элементах у старабеларускай мове» [У:] Аляксандр М. Булыка. Выбраныя працы. Мінск: Беларуская навука, 2015, 68–83.
- [Bulyka, Aliaksandr M. «Ab třarkoŮnaslaviãnskikh leksichnykh ělementakh u starabelaruskai move». [U:] Aliaksandr M. Bulyka Vybranyia pratsy. Minsk: Belaruskaiã navuka, 2015, 68–83]
- Буяльскі, Ігар А. Руска-беларускі юрыдычны слоўнік / Русско-белорусский юридический словарь. Мінск: Логвінаў, 2016.
- [Buiãl'ski, Igar A. Ruska-belaruski iŮrydychny sloŮnik / Russko-belorusskii iŮridicheskiï slovar'. Minsk: LogvinaŮ, 2016]
- Гаўзэ, Файфель І. «Маёмасныя адносіны супругаў па кодэксах законаў аб шлюбe, сям'і і апецы БССР, РСФСР і УССР». Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэту ў Менску. Менск, 21, 1928: 48–62.
- [GaŮzė, Faifel' I. «Maėmasnyiã adnosiny suprugay pa kodėksakh zakonaŮ ab shliŮbe, siãm'i i apetsy BSSR, RSFSR i USSR». Pratsy Belaruskaga dziãrzhaynaga Ůniversitėtu Ů Mensku. Mensk, 21, 1928: 48–62]
- Грахоцкі, Аляксандр П. «Духоўны суд у Расійскай імперыі (другая палова XIX–пачатак XX ст.)» [У:] И. И. Эсмантович (ред.) Правовое обеспечение устойчивого развития Республики Беларусь. Гомель: ГГУ, 2010, 8–12.
- [Grakhot'ski, Aliaksandr P. DukhoŮny sud u Rasiiskai impyri (drugaiã palova XIX–pachatak XX st.) [U:] I.I.Ėsmantovich (red.) Pravovoe obespechenie ustoichivogo razvitiia Respubliki Belarus'. Gomel': GGU, 2010, 8–12]
- Журавский, Аркадий И. «Деловая письменность в системе старобелорусского литературного языка» [В:] О.Н. Трубачёв (отв. ред.) Восточнославянское и общее языкознание. Москва, 1978, 185–191.
- [Zhuravskii Arkadii I. Delovaiã pis'mennost' v sisteme starobelorusskogo literaturnogo iãzyka [V:] O.N. Trubachėv (otv. red.) Vostochnoslaviãnskoe i obshchee iãzykoznanie. Moskva, 1978, 185–191]
- Журавский, Аркадий И. «Некоторые особенности взаимодействия древнеславянского и белорусского литературных языков». Советское славяноведение 2, 1965: 44–54.
- [Zhuravskii, Arkadii I. «Nekotorye osobennosti vzaimodeiřtviiã drevneslaviãnskogo i belorusskogo literaturnykh iãzykov». Sovetskoe slaviãnovedenie 2, 1965: 44–54]
- Жураўскі, Аркадзь І. «Гісторыя беларускай літаратурнай мовы: да 100-годдзя з дня нараджэння вучонага». Мінск: Беларуская навука, 2024.
- [ZhuraŮski, Arkadz' I. Gistoryia belaruskai litaraturnaï movy: da 100-goddziã z dniã naradzėnniã vuchonaga. Minsk: Belaruskaiã navuka, 2024]

- Ілюстраваная храналогія гісторыі Беларусі: Ад старажытнасці да пачатку XX ст. Мінск: БелЭн, 1995.
- [Iliustravaniā khranalogiā gistoryi Belarusi: Ad starazhytnastī da pachatku XX st. Minsk: BelĖn, 1995]
- Кодэкс Рэспублікі Беларусь аб шлюбе і сям’і: прыняты Палатай прадстаўнікоў 3 чэрвеня 1999 года: адобраны Саветам Рэспублікі 24 чэрвеня 1999 года <https://pravo.by/document/pdf/kodeksibel/kodeks_rb_ab_schlube_i_semji_1999_bel>.
- [Koděks Rěspubliki Belarus’ ab shliūbe i siām’i: pryniāty Palatai pradaŭnikoŭ 3 chėrveniā 1999 goda: adobransy Savetam Rěspubliki 24 chėrveniā 1999 goda <https://pravo.by/document/pdf/kodeksibel/kodeks_rb_ab_schlube_i_semji_1999_bel>].
- Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь 1994 года (са зменамі і дапаўненнямі, прынятымі на рэспубліканскіх рэферэндумах 24 лістапада 1996 г., 17 кастрычніка 2004 г. і 27 лютага 2022 г.) <<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmyanennyami-i-dapa-nennyami2022/index.php#1994-4>>
- [Kanstytutsyiā Rěspubliki Belarus’ 1994 goda (sa zmenami i dapaŭnenniāmī, pryniātymi na rěspublikanskikh rėferėndumakh 24 listapada 1996 g., 17 kastrychnika 2004 g. i 27 liūtaga 2022 g.) <<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/pomniki-gistoryi-prava-belarusi/kanstytutsyynae-prava-belarusi/kanstytutsyi-belarusi/kanstytutsyya-1994-goda-sa-zmyanennyami-i-dapa-nennyami2022/index.php#1994-4>>].
- Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями, принятыми на республиканских референдумах 24 ноября 1996 г., 17 октября 2004 г. и 27 февраля 2022 г.) <<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>>
- [Konstitutsiā Rěspubliki Belarus’ 1994 goda (s izmeneniāmī i dopolneniāmī, priniātymi na rěspublikanskikh referendumakh 24 noiābria 1996 g., 17 oktiābria 2004 g. i 27 fevraliā 2022 g.) <<https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>>]
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 2 (1917–1922). Москва: Политиздат, 1983.
- [KPSS v rezoliutsiīakh i resheniīakh s’ezdov, konferentsiī i plenumov TSK. T. 2 (1917–1922). Moskva: Politizdat, 1983]
- Кузнецова, Ирина М. Семейное право: учебник. Москва: Юристъ, 1999.
- [Kuznetsova, Irina M. Semeinoe pravo: uchebnik. Moskva: Iŭrist’, 1999]
- Кулеш Ганна, І. Мова беларускага заканадаўства XX стагоддзя: генезіс і эвалюцыя: манаграфія. Мінск: БДУ, 2015.
- [Kulesh Ganna, I. Mova belaruskaga zakanadaŭstva XX stagoddziā: genezis i ēvaliūtsyiā: managrafiā. Minsk: BDU, 2015]
- Кулеш, Ганна І. «Роля правазнаўцаў у выпрацоўцы беларускай юрыдычнай тэрміналогіі: 1920–30-я гады». Весці Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманіт. навук 65/1, 2020: 61–70. DOI: <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-61-70>.
- [Kulesh, Ganna I. «Roliā pravaznaŭtsaŭ u vypratsoŭtsy belaruskai iūrydychnai tėrminalogii: 1920–30-iā gady». Vestī Natś. akad. navuk Belarusi. Ser. gumanit.

- navuk 65/1, 2020: 61–70. DOI: [https:// doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-61-70.](https://doi.org/10.29235/2524-2369-2020-65-1-61-70.)]
- Муратова, Светлана. А., Тарсамаева, Н. Ю. Семейное право: учебное пособие. Москва: Новый Юрист, 1999.
- [Muratova, Svetlana. A., Tarsamaeva, N. IŮ. Semeĭnoe pravo: uchebnoe posobie. Moskva: Novyĭ IŮrist, 1999]
- Николаева, Ольга М. Старославянизмы (церковнославянизмы) в современных белорусском и русском литературных языках: формальные, семантико-стилистические и функциональные сходства и различия: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Минск: Институт языкознания имени Якуба Коласа Академии наук Белорусской ССР, 1989.
- [Nikolaeva, Ol'ga M. Staroslaviānizmy (tŝerkovnoslaviānizmy) v sovremennykh belorusskom i russkom literaturnykh iāzykakh: formal'nye, semantiko-stilisticheskie i funktsĭonal'nye skhodstva i razlichiiā: dissertatsĭiā na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. Minsk: Institut iāzykoznaniiā imeni IĀkuba Kolasa Akademii nauk Belorusskoĭ SSR, 1989]
- Полещук, Наталья В., Трофимович Тамара Г. «Текстовые источники для сравнительно-сопоставительного изучения лексики старорусского и старобелорусского языков». [В:] В. И. Карасик (гл. ред.) Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XXIII Кирилло-Методиевские чтения Москва: Государственный институт русского языка им. А.С.Пушкина, 2022, 883–889.
- [Poleshchuk Natal'ĭā V., Trofimovich Tamara G. «Tekstovye istochniki dliā sravnitel'no-sopostavitel'nogo izucheniiā leksiki starorusskogo i starobelorusskogo iāzykov». [V:] V. I. Karasik (gl. red.) Slaviānskaiā kul'tura: istoki, traditŝii, vzaimodeĭstvie. XXIII Kirillo-Mefodievskie chteniĭā Moskva: Gosudarstvennyĭ institut russkogo iāzyka im. A.S.Pushkina, 2022, 883–889]
- РБС: Русско-белорусский словарь Т. 2. Минск: Белорус. Сов. Энциклопедия, 1982.
- [RBS: Russko-belorusskĭĭ slovar' T. 2. Minsk: Belorus. Sov. Ėntŝiklopediiā, 1982]
- РБЮС: Буяльскі, Ігар А. Руска-беларускі юрыдычны слоўнік / Русско-белорусский юридический словарь. Минск: Логвінаў, 2016.
- RBIŮS: [Buiāl'ski, Igar A. Ruska-belaruski iūrydychny sloŷnik / Russko-belorusskĭĭ iūridicheskiĭ slovar'. Minsk: Logvinaŷ, 2016]
- Свяжынскі, Уладзімір М. «Фактар сувязі пісьма і жанру ў развіцці беларускай літаратуры пасля Люблінскай уніі». Senoji Lietuvos literatūra, 21, 2006: 117–135.
- [Sviāzhynski Uladzimir M. «Faktar suviāzi pis'ma i zhanru ŷ razvitŝiŝi belaruskai literatury pasliā Liūblinskaĭ unii [U:] Senoji Lietuvos literatūra, 21, 2006: 117–135]
- СРЯ: Словарь русского языка. Под ред. А.П.Евгеньевой. Т. 4. Москва: Русский язык, 1984.
- [SRIĀ: Slovar' russkogo iāzyka. Pod red. A.P.Evgen'evoi. T. 4. Moskva: Russkiĭ iāzyk, 1984]
- Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588. Мінск: Беларус. Савец. энцыкл. імя П. Броўкі, 1989.
- [Statut Viālikaga Kniāstva Litoŷskaga 1588. Minsk: Belarus. Savetŝ. ėntŝykl. imiā P. Broŷki, 1989]

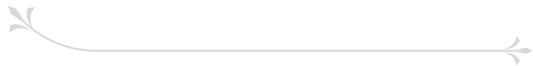
- ТСБМ: Тлумачальны слоўнік беларускай мовы. Т. 5, кн. 1. Мінск: Беларус. Сав. Энцикл., 1983.
- [TSBM: Tlumachal'ny sloŭnik belaruskaj movy. T. 5, kn. 1. Minsk: Belarus. Sav. Ėntsykl., 1983]
- ТСРЯ: Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Гос. ин-т "Сов. энцикл."; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1935–1940. <https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117>. 21.02.2025.
- [TSRIA: Tolkovyĭ slovar' russkogo iazyka / Pod red. D. N. Ushakova. Moskva: Gos. in-t "Sov. ėntsykl."; OGIZ; Gos. izd-vo inostr. i nats. slov., 1935–1940. <https://biblioclub.ru/?page=dict&dict_id=117>. 21.02.2025]
- Шакун, Леў М. «Значэнне царкоўнаславянскай мовы ў развіцці беларускай літаратурнай мовы» [У:] Карані роднай мовы. Мінск: БДУ, 2001, 5–19.
- [Shakun, Leŭ M. Znachènne tšarkoŭnaslaviãnskaï movy ŭ razvitšči belaruskaj litaraturnaï movy [U:] Karani rodnaï movy. Minsk: BDU, 2001, 5–19]
- Шакун, Надзея С. «Да пытання пра царкоўнаславянскія ў беларускіх дыялектах». Slavistica Vilnensis, 63, 2018: 231–244. DOI: <https://doi.org/10.15388/SlavViln.2018.63.11852>.
- [Shakun, Nadzeiã S. «Da pytanñiã pra tšarkoŭnaslaviãnizmy ŭ belaruskikh dyiãlektakh». Slavistica Vilnensis, 63, 2018: 231–244. DOI: <https://doi.org/10.15388/SlavViln.2018.63.11852>]
- ЮС: Юридический словарь. Минск: Нац. центр правовой информации Респ. Беларусь. <<http://multilang.pravo.by/>> 15.02.2025.
- [IUS: Iŭridicheskiĭ slovar'. Minsk: Nats. tšentr pravovoï informatšii Resp. Belarus'. <<http://multilang.pravo.by/>> 15.02.2025]
- Юхо, Язэп. «Дагавор 1229 (Смаленская гандлёвая праўда)» [У:] Г.П.Пашкоў (гал. рэд.) Энциклапедыя гісторыі Беларусі. Т. 3. Мінск: БелЭн, 1996, 191–192.
- [Iŭkho, Iãzèp. Dagavor 1229 (Smalenskaia gandlëvaia praŭda) [U:] G.P.Pashkoŭ (gal. rėd.) Ėntsyklapedyiã gistoryi Belarusi. T. 3. Minsk: BelĖn, 1996, 191–192]

Ана И. Кулеш

СТАРΟΣЛОВЕНИЗМИ У РУСКИМ ЗАКОНОДАВНИМ ТЕКСТОВИМА И ПРОБЛЕМИ ЊИХОВОГ ПРЕВОЂЕЊА НА БЕЛОРУСКИ ЈЕЗИК

Резиме

У поређењу с другим словенским језицима белоруски језик одликује се својеврсним односом према старословенском наслеђу. Почетну фазу развоја белоруског књижевног језика (XI–XIV век) карактерише значајан утицај

старословенског језика на старобелоруску писменост. Међутим, почев од XV века, тај утицај слаби, те елементи живог народног језика све више замењују позајмљене старословенизме и доспевају чак у религиозну литературу. Са ширењем идеја реформације и протестантизма долази до стагнације језика православног богослужења у Великој кнежевини Литванској. Од краја XVIII века белоруски књижевни језик развија се ван те повезаности. Тиме се објашњава несвојственост и мали број лексема старословенског порекла у савременом белоруском језику у поређењу с осталим словенским језицима. У већини случајева оне су позајмљене из руског језика у совјетско време.

Белоруски језик је имао функцију државног језика у Великој кнежевини Литванској, што је допринело процвату пословне (канцеларијско-правне) писмености на том језику. Међутим, губљење тог статуса крајем XVII века и низ других друштвених околности довели су до тога да се, почев од двадесетих година XX века па све до данас, закони у Белорусији пишу на руском језику, а затим се основни закони преводе на белоруски језик.

Правна терминологија специфична је по томе што је њен значајан део створен на основи општекњижевне лексике. Тиме се објашњава значајан број лексема старословенског порекла у руској правној терминологији.

За део старословенизама при превођењу на белоруски језик још пре једног века били су пронађени одговарајући еквиваленти, међутим, у одређеним случајевима избор тачног еквивалента и данас изазива потешкоће. За то постоји неколико разлога. Један од њих је непотпуност преводних и једнојезичких речника белоруског језика услед чега не могу да се користе на одговарајући начин за превођење правних текстова. Конкретно, они не садрже значења речи која су застарела у општем књижевном језику, али се активно користе у језику права. У чланку се то показује на примеру превода термина *состязательности* (срп. *способност да се равноправно учествује у такмичењу*). Јасно разумевање оригиналног термина такође је отежано због одсуства или неједнозначности дефиниција правних термина. Услед немарности према ранијим искуствима стварања и употребе белоруске правне терминологије, која су заступљена, на пример, у белоруским речницима, текстовима закона и правној научној литератури из периода двадесетих и тридесетих година XX века, уводе се неодговарајући термини, чији садржај противречи стварном значењу појма који тај термин именује. То се показује на примеру превода термина из породичног права *недействительный брак* (срп. *неважећи брак*).

У чланку се не указује само на основне потешкоће при превођењу правних термина-старословенизама на белоруски језик, већ се предлажу и одређени начини за њихово превазилажење.

Кључне речи: старословенизам, црквенословенизам, правни термин, дефиниција термина, превод правних текстова, квазитерминолошка упутница, преводилачка еквивалентност.